

Социальный контроль гендерных девиаций в институциональных практиках улучшения качества жизни населения

С.В. Назаренко

к.социол.н., доцент
Департамента
социологии
Финансового
университета при
Правительстве РФ;
Москва

e-mail:
svnazarenko@fa.ru

Аннотация. Приоритетным направлением социальной политики государства в современном российском обществе является улучшение качества, повышение уровня жизни населения. В статье в рамках социологического подхода описываются теоретико-методологические основы социального конструирования идеальной модели гендерно-имущественной структуры общества, а также роль социального контроля в ее воспроизводстве.

Ключевые слова: качество жизни, уровень жизни, социальный контроль, гендерное поведение, гендерные девиации.

Транзитивное общество: риск или шанс

Обеспечение устойчивого развития национальной экономики – приоритет как экономически развитых, так и развивающихся стран. Устойчивость развития – это способность экономики восстанавливать траекторию прогрессивного движения при воздействии эндогенных и экзогенных возмущающих факторов. Так, при трансформации отечественной экономики от командно-административной к рыночной системе хозяйствования социально-экономический спад был объективным и неизбежным. Смене одного качественного состояния на другое имманентно присущ на начальном этапе регресс, а на последующем – прогресс, что позволяет утверждать: современное российское общество находится в условиях транзитивного социально-экономического развития.

В сущности, транзитивное развитие – это интервал фазы перехода от одного качественного состояния к другому, при котором осуществляется выбор конкурирующих между собой приоритетов, тенденций, альтернатив, перспектив как инстру-

ментов разрешения актуальных социальных противоречий и проблем [11, с. 87-90]. Всегда выбор обусловлен факторами: объективными – способы движения, преобразования, развития разрешения противоречий; субъективными – индивидуальные и коллективные социальные субъекты, их оценки, интерпретации смысла взаимодействий, фиксирующие достижение гомеостаза (динамического равновесия) в полисферной и многоуровневой системе взаимодействий в обществе. Функциональная направленность и характер проявления этих факторов наглядно отражается в альтернативных моделях «модернизирующегося», «изменяющегося», «становящегося», «трансформирующегося», «транзитивного» общества. Но, тем не менее, их объединяет социальный факт изменения жизнедеятельности индивидов в обществе, личности в социуме. Это изменение отражает отбор целей, технологий (техник, способов, приемов, средств и т.д.), программ, проектов, направленных на предупреждение или разрешение актуализирующихся противоречий, проблем, конфликтов, минимизации рисков при достижении стабильности в обществе. На организационном уровне – достижения сплоченности группы, на институциональном – солидарности общности индивидов, на общесоциальном – согласия между всеми социальными субъектами, образующими общество.

История неоднократно доказывала, что скачкообразное прогрессивное развитие человеческого общества неизбежно сопряжено с регрессом (кризисом) в общем его прогрессивном развитии, что вполне правомочно считать нормальным явлением. После периода регресса (кризиса) или временного приостановления прогрессивного развития неизбежно последует скачок, который и характеризует транзит, переход социальной общности из одного в другое состояние. Не является исключением и наблюдаемая в настоящее время феминизация бедности, альтернативами транзитивного развития которой могут быть: а) феминизация богатства; б) мускулиность бедности; в) мускулиность богатства. Полярность приоритетности неизбежно будет уменьшаться за счет достижения гармонического и/или динамического равновесия в социальной системе, которое минимизирует риск утраты стабильности в обществе.

Дихотомия действительности и возможности обуславливает вероятность наступления неблагоприятного и благоприятного последствия [12, с. 25-29]. Так, действие социального субъекта нередко связано с неопределенным событием или условием, которое в случае возникновения оказывает позитивное или негативное влияние, приводит к приобретениям или потерям. Поэтому, если возможное в будущем качественное или количественное ухудшение состояния объекта воспринимается как риск, то вероятностное улучшение – как шанс. Риск и шанс особенно присущи обществу с транзитивной экономикой, которое отличает высокая степень изменчивости социальных явлений и процессов, обусловленных финансово-экономическими, социально-политическими и иными противоречиями, проблемами, кризисами и их последствиями. В условиях транзитивного развития, предполагающего увеличение шансов на выход из посткризисного состояния к новому качественному развитию, увеличиваются риски невротизации, безработицы, насилия и потери безопасности, жертвы кризиса, потери доверия, бедности, неоплаты кредита, потери профессии, индивидуальной ненужности, переквалификации, одиночества, банкротства, дисквалификации, эконоцида (самоубийства), маргинализации, люмпенизации [7, с. 8-12].

Итак, социальным критерием транзитивного развития современного российского общества является факт наличия объективных условий для улучшения качества, повышения уровня жизни и благосостояния населения, а также снижения неравенства доходов. Такими условиями являются успешно набирающий темпы социальной эффективности рыночный механизм хозяйствования, который ранее был слаб и недостаточно функционален. Стадия (фаза) экономического спада, сменяясь экономическим ростом, основанном на инновационности экономических и социальных явлений и процессов, является точкой отсчета нового качественного состояния социально-экономического продвижения общества.

Социализация и социальный контроль в гендерных практиках

Две подсистемы общества – подсистема социализации и подсистема социального контроля, формируя, исправляют и, исправляя, формируют личность человека как члена общества. В соответствии с уровнем своей подготовленности и предрасположенности при достижении поставленной личностной цели, достижении максимального результата люди дифференцированы и представлены двумя альтернативными группами. Первая группа: про-

активные типы личности, то есть те, которые при затрате 20% времени, усилий и иных ресурсов достигают до 80% желаемого результата. Вторая группа: реактивные типы личности, то есть те, которые для достижения около 20% результата затрачивают до 80% своего времени, усилий и иных ресурсов (согласно принципу В. Парето «20/80»). Если в первой группе преимущественно социализированные типы личности, то во второй – адаптированные и не более того. Если первые могут влиять на окружающую их среду, преобразовывать ее, то вторые только приспособляются к ней, причем преимущественно пассивно. В рамках паретовской логики, вероятнее всего, что «активное, решающее меньшинство» – это социализированные или сильно (высоко) адаптированные люди (около 20% населения), а «пассивное, ведомое большинство» составляет до 80% населения. В контексте логики гауссовского нормального распределения, скорее всего, около 60% – это средне адаптированные люди, а около 20% – слабо (низко) приспособленные к условиям и вызовам окружающей социальной среды.

Если исправление негативных следствий социализации находится в фокусе ресоциализации, то выявление нарушений людьми норм-правил поведения – в фокусе социального контроля. Так как в условиях транзитивного развития российского общества люди максимально подвергаются различным рискам, которые могут отразиться на человеке, начиная от состояния его физического, психического и социального здоровья, трудоспособности, трудового дохода, качества и уровня жизни, благосостояния и счастья вплоть до разрушения ценностных и социальных смыслов жизнедеятельности, то любое социальное действие индивида, его поведение, деятельность – рискогенны. При этом, лень (пассивность), бездействие или отказ осуществить действие – это альтернативные формы социального действия, которое потенциально может быть не менее рискогенным [10, с. 15-19].

Угрожающие риски выходят из-под контроля людей, поэтому обществу и государству имманентно присущи действия по контролю над рисками. Социальные риски нельзя предотвратить, но их можно контролировать. Управление и контроль рисками становятся содержанием повседневных институциональных практик. Они предполагают, с одной стороны, поиск и реализацию возможности избежать возникающих противоречий и проблем, а с другой – минимизацию возможного социального вреда или материального ущерба, если устранить проблему не представляется возможным. Их основная цель – сохранение и поддержание стабильности [2, с. 86-95].

Минимизируют социальные риски институты как устоявшиеся практики – «нормы–правила игры» и организации как «игроки» – субъекты, играющие по институциональным правилам и обладающие определенной свободой выбора вектора последующих взаимодействий. Институты обеспечивают порядок, организуют «игроков», упорядочивают и координируют их взаимодействия. Именно поэтому институт выступает инструментом социального контроля, под которым понимается механизм оценки и санкционирующего воздействия (не только наказание и осуждение за девиации, но и вознаграждение и одобрение за новации) социальной организации общества и его институтов деятельности социальных групп и поведения индивидов в целях приведения реальных общественных отношений в соответствие с ценностно-нормативными требованиями и ожиданиями общества.

Система социального контроля в обществе включает в себя: институциональный или нормативный (межгрупповой) контроль. Это механизм доступности средств при целедостижении (функциональная нагрузка до 2/9); организационный (групповой) контроль представляет собой непосредственный процесс санкционирования индивида по итогам оценки его взаимодействия или результатов взаимодействий, то есть процесса или результата деятельности (функциональная нагрузка до 1/9); межличностный (внутригрупповой или референтный) контроль – это процесс самоопределения индивидом своего места в социальном пространстве (функциональная нагрузка до 2/9); личностный самоконтроль индивида (внутренний контроль индивида) – это процесс, обеспечивающий перевод ценностей и норм в ценностно-нормативный стандарт, который является регулятором поведения индивида (функциональная нагрузка до 4/9) [4, с. 410-433].

Итак, в современном отечественном транзитивном социуме сфера социализации существенно расширяется посредством ресоциализации. Более того, с ее помощью разрешаются многие противоречия социализации, имеющей инерционный характер из-за малоподвижности институциональной матрицы общества.

Феминизация и маскулинизация бедности и богатства

Общепризнанной является точка зрения, что наиболее устойчивым обществом является то, в котором взаимодействия выстраиваются на триедином принципе социального неравенства (экономика), социальной справедливости (культура) и социального доверия (политика) [9, с. 166-172]. Все актуальнее становится усиливающаяся тенден-

ция – современные «женщины становятся все мужественнее, а мужчины – женственнее» [6, с. 257-264]. Социально-исторический опыт свидетельствует, что очередные «скачки» в качественном изменении состояния прежнего распределения и нового перераспределения социальных статусов и ролей (обязанностей и прав, компетенций и ответственности) между мужчинами и женщинами приходились на транзитивные периоды [13, с. 146-149]. Имманентно присущий социальной системе гомеостазис (достижение динамического равновесия реализации интересов участвующих сторон, удовлетворения их потребностей и получения успешного результата) перераспределяет риски и ресурсы в направлении сбалансированного состояния неравенства, справедливости и доверия. Посредством метода «логического квадрата» наиболее наглядно это выражено в социальном взаимодействии, следствием которого являются четыре альтернативных проявления состояний качества и уровня жизни, а также гендерного неравенства в обществе.

Гомеостазис достигается посредством социального управления и контроля, организации и самоорганизации, то есть баланса как государственного регулирования экономики, так и рыночного саморегулирования экономики общества, а также баланса государственного регулирующего воздействия в рамках реализуемой социальной политики государства и деятельности саморегулируемых организаций в рамках реализации инициатив гражданского контроля общества [5, с. 68-76]. Если его идеальная статичная модель отражает минимизацию феминности и маскулинности бедности при максимизации феминности и маскулинности богатства, то векторная – от феминности бедности к маскулинности богатства. Этот ментальный конструкт отражает взаимовлияние особенностей гендерного поведения и гендерной структуры:

- через феминизацию бедности – процесс увеличения доли женщин среди общего количества членов общества, живущих около или за чертой бедности (черта бедности – прожиточный

Таблица 1

Альтернативные проявления состояний качества, уровня жизни и гендерного неравенства в обществе

Критерии:	гендерный	
	Феминность	Маскулинность
имущественный		
Богатство	3. Феминность богатства	4. Маскулинность богатства
Бедность	1. Феминность бедности	2. Маскулинность бедности

минимум в расчете на душу населения для трудоспособного населения, для пенсионеров, для детей). В этой категории находятся матери-одиночки, женщины-пенсионеры, женщины-инвалиды, женщины, возглавляющие домохозяйство (домохозяйки) и др. В среднем перестают считать себя бедными те, кто начинает получать полтора-два и выше прожиточных минимумов;

- через маскулинизацию бедности – процесс увеличения доли мужчин среди общего количества членов общества, живущих около или за чертой бедности. В составе этой категории мужчины-безработные, мужчины-пенсионеры, мужчины-инвалиды, мужчины без определенного места жительства и др.;

- через феминизацию богатства – процесс увеличения доли женщин среди общего количества граждан страны, имеющих достаток выше среднего, уровень благосостояния выше достойного, ежегодный доход выше 20000\$ (по мнению экспертов);

- через маскулинизацию богатства – процесс увеличения доли мужчин среди общего количества граждан страны, имеющих достаток выше среднего, уровень благосостояния выше достойного, ежегодный доход выше 20000\$ (по мнению экспертов).

В сущности, данный комплексный подход фокусирует внимание не столько на решении одной частной проблемы феминизации бедности, сколько на системном решении достижения оптимального соотношения в обществе бедных и богатых, отличающихся по гендерному и иным признакам. Предпринимаемые усилия по решению проблемы феминизации бедности дали некоторые положительные результаты, но не решили ее. Борьба с гендерным неравенством и неравноправием, так же как и борьба с бедностью, посредством создания благоприятных условий для жизни, труда, учебы и отдыха, должна иметь свои стратегические цели. Одна из них – достижение не симметрии, а разумного, рационального оптимального пропорционального баланса рассматриваемых четырех категорий граждан. Как вариант: не более 1/9 – феминность бедности, то есть не более 11% от общего числа женщин (включая детей-девочек, девушек-студентов, женщин экономически активного, трудоспособного возраста, женщин пенсионного возраста), у которых качество и уровень жизни находится ниже прожиточного минимума; не более 2/9 – маскулиность бедности, то есть не более 22% от общего числа мужчин (включая детей-мальчиков, юношей-студентов, мужчин экономически активного, трудоспособного возраста, мужчин пенсионного возраста), у которых качество и уровень жизни находится ниже прожиточного минимума; не менее 2/9 – феминность богатства, то есть не менее 22% от общего числа женщин (включая детей-

девочек, девушек-студентов, женщин экономически активного, трудоспособного возраста, женщин пенсионного возраста), у которых качество и уровень жизни находится выше среднего уровня по стране; не менее 4/9 – маскулиность богатства, то есть не менее 44% от общего числа мужчин (включая детей-мальчиков, юношей-студентов, мужчин экономически активного, трудоспособного возраста, мужчин пенсионного возраста), у которых качество и уровень жизни находится выше среднего уровня по стране.

В сущности, эти кластерные гендерно-имущественные группы являются полярными альтернативами в социально-экономической структуре общества, ядро которого образует средний класс из числа женщин и мужчин, чье качество и уровень жизни находится на среднем уровне по стране. На 01.01.2017 г., по оценке Росстата, в России почти 147 млн чел., из них мужчин – около 68 млн (46%), женщин – около 79 млн (54%), из которых около 75% – городское, а около 25% – сельское население. Согласно рассмотренной методике, идеальная модель гендерно-имущественной структуры современного российского общества фиксирует: феминность бедности – среди не более 8,7 млн женщин; маскулиность бедности – среди не более 14,9 млн мужчин; феминность богатства – среди не менее 17,4 млн женщин; маскулиность богатства – среди не менее 29,9 млн мужчин. Итого – около 71 млн чел. При этом, в средний класс должны входить – 76 млн человек, из которых мужчин – около 23 млн (30%), женщин – около 53 млн (70%).

Если социально-политическая стабильность общества определяется массовым средним классом, то социально-экономическая стабильность семьи – средним уровнем (по региону – субъекту РФ) и качеством жизни женщин, которые должны образовывать социальную основу среднего класса общества. На этом фокусируется ориентир, приоритет стратегического социально-экономического развития современного российского общества в условиях транзитивного его периода жизнедеятельности – функционирования и развития.

Итак, проблема феминизации бедности в условиях транзитивного развития российского общества является актуальной. Ее решение требует совместных усилий государства и общества, бизнеса и образования не на уровне «организационного запаздывания», а на уровне «опережающего развития». Более того, не в контексте ретроспективного социального контроля институциональных практик гендерных и имущественных девиаций, а проспективного контроля, позволяющего минимизировать социальные риски людей, которые попали в трудные жизненные условия и неизбежно

приближаются к черте бедности, а также тех, кто успешно реализовал свой шанс на рынке труда посредством своих профессиональных компетенций.

Социальный контроль в обеспечении гендерного равноправия и минимизации рисков гендерно-имущественной асимметрии

Амбивалентная природа социального контроля отражает в нем истоки естественного и искусственного, гуманного и рационального, которые представлены социотехнологической основой – типами и технологиями минимизации гендерно-имущественных девиаций и максимизации инноваций. Его технологическая подвижность обеспечивается:

а) субъектным компонентом. Он представлен агентом контроля, который детерминирует преимущественное положение и роль при социальном взаимодействии формального или неформального контроля;

б) временным компонентом. Он отражает метод осуществления социальной акции агентом контроля, который определяет ретроспективный или проспективный его характер;

в) санкционирующим компонентом. Он указывает на тип санкционирующего воздействия, выбранный агентом контроля как реакцию на социальное взаимодействие, который определяется классом социальных санкций – вознаграждающим или наказывающим [3, с. 251-253].

Соотнесение методом «логического куба» данных компонентов позволяет выделить восемь технологических типов, но именно первый тип – преимущественно формально-проспективно-вознаграждающий социальный контроль позволяет в «опережающем режиме» выстраивать востребованные социальные взаимодействия, обеспечивающие гендерное равноправие, максимизацию шансов и минимизацию рисков гендерно-имущественной асимметрии в условиях транзитивности социально-экономического развития современного российского общества.

Приоритетность перспективной направленности социального контроля очевидна, несмотря на

то, что исключить из институциональных практик гендерное неравенство невозможно, так же как невозможно достичь полной симметрии. Если гендерное неравенство можно только минимизировать, то гендерную асимметрию – только уменьшить [1, с. 125-127]. Гендерно-имущественные отношения изначально асимметричны вследствие исторически, традиционно сложившихся поливариантных поведенческих практик и стереотипов, а гендерная асимметрия – предпосылка как позитивных отношений, ведущих к партнерству, так и негативных, следствием которых является дисгармония [8, с. 21-27]. Наглядно это продемонстрировано в финансовой сфере, а именно сфере кредитного (долгового) поведения мужчин и женщин. Так, женщины, проживающие в городах, более позитивно настроены на кредит, нежели жительницы сельской местности. Если женщины не стесняются просить у друзей и знакомых деньги в долг, то мужчины, наоборот, стесняются и склонны не афишировать, что берут деньги в долг. Женщины более мужчин осознают, что заимствование денег – это определенный риск, который может привести к нежелательным для семейного бюджета (бюджета домохозяйства) последствиям. Мужчинам присущи более лояльные установки относительно перспектив кредитования, связанного с покупкой дорогостоящей вещи, способной повысить престиж и статус семьи. Если мужчины преимущественно планируют факт оформления кредита, то женщины чаще спонтанно, ситуативно принимают решение и берут неформальный заем. Если женщины в большей степени берут кредиты на неотложные нужды, лечение, покупку дорогих товаров и приобретение жилья, то мужчины – автокредит и кредит на развитие собственного бизнеса. Успешный опыт пользования институциональным кредитом, позитивное отношение к заимствованию более выражено у мужчин, чем у женщин и т.п.

Итак, социальный контроль феминизации бедности и гендерной асимметрии является социотехнологическим ресурсом российского общества в условиях его транзитивного социально-эконо-

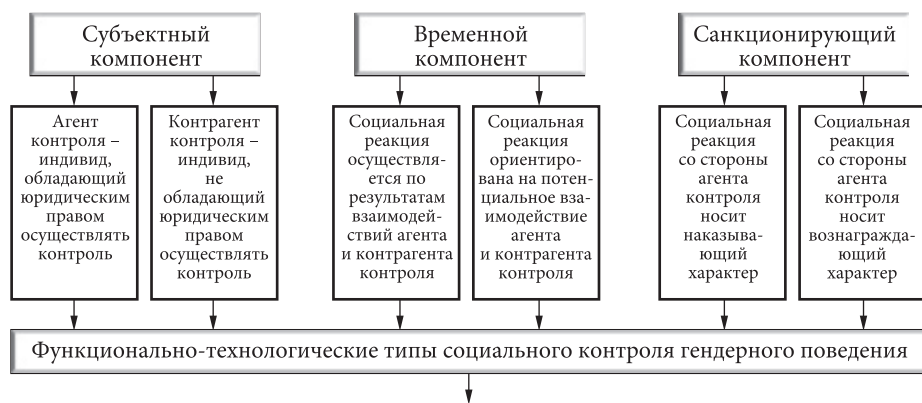

Рис.1. Методические основы типизации социального контроля по его функциональным характеристикам

мического развития. Смещение приоритетов с ретроспективности на перспективность социальных взаимодействий между мужчинами и женщинами раскрывает новые возможности, ресурсы гармонизации гендерно-имущественной структуры современного российского общества. Теоретико-методологической и технологической основой коррекции институциональных практик, минимизации девиаций гендерного поведения является прогнозирование сценариев, моделирование образцов, проектирование и планирование деятельности государства, его социальной и социально-экономической политики, вектором которой должна стать установка: «от минимизации феминности бедности к максимизации маскулинности богатства», мультипликативным эффектом такой политики является создание среднего класса. Его более чем 50% относительная доля от общей численности населения страны, состоящая из 1/3 мужчин и 2/3 женщин, является не столько залогом социально-политической стабильности, социального порядка в обществе, сколько показателем, что российское общество в транзитивном периоде социально-экономического развития использовало свой шанс повышения качества жизни населения и снижения уровня (диапазона, размера доходов) и степени (распространенности) неравенства между бедными и богатыми.

Литература

1. Ильиных С.А. Гендерная асимметрия. Поиск причин и основных путей ее преодоления: монография. – Новосибирск: НГАСУ, 2006. – 180 с.
2. Левкин Н.В. Институциональные аспекты формирования благоприятного инвестиционного климата в странах с экономикой транзитивного типа / Н.В. Левкин, Д.С. Терещенко – Петрозаводск: ПетрГУ, 2014. – 122 с.
3. Назаренко С.В. Социальный контроль военной службы в Российской Федерации (социологический анализ на примере военнослужащих Вооруженных Сил РФ). Монография. – Череповец: ЧВИИРЭ, 2007. – 320 С. 251–253.
4. Назаренко С.В. Социология: Учебн. пос. 2-е изд. – СПб.: Питер, 2009. – 496 С. 410–433.
5. Общество как социогендерная система и социальные риски ее развития: монография / под ред. Г.Г. Силласте. – М.: ИД «Третьяковъ», 2016. – 269 с.
6. Права женщин и институты гендерного равенства в регионах России: сборник / под ред. Н.М. Римашевской, О.А. Ворониной, Е.А. Баллаевой. – М.: МАКС Пресс, 2010. – 419 с.
7. Силласте Г.Г. Социальные риски кризисов транзитивного развития: методологический социологический дискурс // Гуманитарные науки.

Вестник Финансового университета. – 2016. – Т. 6. № 3 (23). – С. 6–17.

8. Симонов В.П. Законы и парадоксы асимметричного мира. Современная концепция теории систем. – М.: Изд-во МГОУ, 2006. – 40 с.

9. Сосунова И.А. Общественное мнение по актуальным комплексным проблемам: рациональный прогноз и социологическая эмпирика (на примере глобального изменения климата) // Качество и жизнь. – 2016. № 4 (12). – С. 166–172.

10. Сосунова И.А. Экодизайн в России: проблемы развития в контексте качества жизни // Качество и жизнь. – 2014. № 2 (2). – С. 15–19.

11. Социальные взаимодействия в транзитивном обществе: сборник научных трудов Новосибирской гос. акад. экономики и упр. / отв. ред. Удальцова М.В. Вып. 16, 2014. – 191 с.

12. Управление социально-экономическими системами и бизнес-процессами в условиях транзитивной российской экономики: коллективная монография / Аборнева О.И. и др.; под общ. ред. Е.И. Макарова. – Воронеж: Науч. кн., 2016. – 166 с.

13. Феминизация бедности в России: Макроэкономический анализ феминизации бедности в России: Сб. докл., подгот. для Всемир. банка / Подгот. Прокофьевой Л.М. и др. – М.: Весь мир, 2000. – 220 с.

Social Control of Gender Deviations in Institutional Practices to Improve the Quality of Life of the Population

S.V. Nazarenko, candidate of sociological sciences, associate professor of the Department of sociology of Financial University under the Government of the Russian Federation; Moscow

e-mail: svnazarenko@fa.ru

Summary. The priority direction of social policy of the state in modern Russian society is quality improvement, increase in the standard of living of the population. In article within sociological approach theoretic-methodological bases of social designing of ideal model of gender and property structure of society, and also a role of social control in her reproduction are described.

Keywords: quality of life, standard of living, social control, gender behavior, gender deviations.

References:

1. Ilinykh S.A. Gender asymmetry. Search of the reasons and main ways of her overcoming. *Novosibirsk state architectural and construction university (NSACU)*. 2006. Novosibirsk, 180 p.
2. Levkin N.V., Tereshchenko D. S. Institutional aspects of formation of favorable investment climate in the countries with economy of transitive type. *Petrozavodsk state university (PetrSU)*. 2014. Petrozavodsk, 122 p.

3. Nazarenko S.V. Social control of military service in the Russian Federation (the sociological analysis on the example of the military personnel of the Armed Forces of the Russian Federation). *Cherepovets military engineering institute of radio electronics*. 2007. Cherepovets. pp. 251-253.

4. Nazarenko S.V. *Sociology. The manual, the 2nd edition*. Piter. 2009. St. Petersburg, pp. 410-433.

5. Sillaste G.G. Society as sotsiogenderny system and social risks of her development. *Monograph. Tretyakov publishing House*. 2016. Moscow, 269 p.

6. Rimashevskaya N.M., Voronina O.A., Ballayeva E.A. Rights of women and institutes of gender equality in regions of Russia. *Collection. MAKS Press*. 2010. Moscow, 419 p.

7. Sillaste G.G. Social risks of crises of transitive development: methodological sociological discourse. *Humanities. Bulletin of Financial university*. 2016. V. 6. No. 3 (23). pp. 6-17.

8. Simonov V.P. Laws and paradoxes of the asymmetric world. Modern concept of the theory of

systems. *Publishing house of the Moscow state regional university (MSRU)*. 2006. Moscow, 40 p.

9. Sosunova I.A. Public opinion on urgent complex problems: the rational forecast and sociological the empiricist (on the example of global climate change). *Quality and life*. 2016. No. 4 (12). pp. 166-172.

10. Sosunova I. A. Ecodesign in Russia: development problems in the context of quality of life. *Quality and life*. 2014. No. 2 (2). pp. 15-19.

11. Udaltsova M.V. Social interactions in transitive society. *Collection of scientific works of the Novosibirsk state academy of economy and management. Release 16*. 2014. 191 p.

12. Aborneva O.I., Makarova E.I. Management of social and economic systems and business processes in the conditions of the transitive Russian economy. *Scientific book*. 2016. Voronezh, 166 p.

13. Prokofieva L.M. Feminization of poverty in Russia: *The macroeconomic analysis of feminization of poverty in Russia. The collection of reports prepared for the World Bank. Whole world*. 2000. Moscow, 220 p.

«Зеленая экономика» как возможная «сверхценность» предпринимательской деятельности в России

Н.Е. Мамонов

к.социол.н., доцент,
Российская академия
предпринимательства;
Москва

e-mail: foxie@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматриваются общие проблемы и перспективы влияния построения «зеленой экономики» на предпринимательскую деятельность в России.

Ключевые слова: экономика, экология, предпринимательство, экологическая безопасность, инновации.

Традиционное понимание смысла предпринимательской деятельности, основанное, как представляется, на упрощенной трактовке работ таких классиков начала XX в. как М.Вебер, Л.фон Мизес и др., по сути, сводится к получению прибыли. Однако многочисленные взаимосвязи и взаимовлияния, «вживляющие» предпринимателя в ткань социума, обуславливают нереалистичность подобных представлений. Яркие примеры этого обстоятельства дает, в частности, анализ проблем развития современного экологического предпринимательства.

В наши дни экономика, по преимуществу, уже рассматривается как универсальная система, охватывающая определенным образом взаимосвязанные материальные и социальные компоненты. Детализированная структура данной системы может выделяться по различным основаниям. В частности, такой научный авторитет, как П. Штомпка, выделяет в общей категории экономики:

- во-первых, материальные компоненты (средства производства, условия труда и т.д.);
- во-вторых, социальные субъекты (социальные слои, группы, индивиды) и их действия;
- в-третьих, социальные взаимосвязи между субъектами экономики;
- в-четвертых, функции социальных элементов;
- в-пятых, подсистемы экономики, связанные с разнообразием и дифференциацией специализированных действий [1].

Достаточно очевидно, что в эпоху подобных подходов сведение предпринимательской деятельности исключительно к получению прибыли является анахронизмом. Как представляется, определенные перспективы для корректного комплексного анализа предпринимательской деятельности в сфере экологии открывает принятие в качестве ее целей удовлетворение экологических потребностей социума и обеспечение его благополучия.

При этом следует исходить из того, что экологическая потребность обладает сложной структурой,